

А. П. Козырев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Митрополит Сергей (Страгородский) как критик софиологии протоиерея Сергея Булгакова. К истории «спора о Софии»

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые обстоятельства, связанные с церковной полемикой вокруг книги протоиерея Сергея Булгакова «Агнец Божий», вышедшей в Париже в 1933 году, и участием в ней Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Сергея (Страгородского), издавшего в Москве в 1935 году два указа, обличающих богословские ошибки профессора догматического богословия Свято-Сергиевского богословского института. В условиях, когда вынужденно был распущен Синод, указы не были единоличным мнением митрополита Сергея, но были подписаны «прилучившимися» архиереями, что придавало им характер соборных актов. Отмечается роль в подготовке этих указов Фотиевского братства, в частности, его начальника А. В. Ставровского, подготовившего и направившего на имя митрополита Виленского и Литовского Елевферия, принявшего попечение о зарубежных приходах Московской Патриархии, «донесение» с изложением взглядов о. С. Булгакова. Рассматривается разноречивая реакция на осуждение Булгакова представителей русской эмиграции, выявляются причины, по которым митрополит

Сергий издал указы, среди которых выделяется его доверие к молодым членам Фотиевского братства, которые в эмиграции остались верными Московской Патриархии и предложили внушительную программу православной миссии в Западной Европе с использованием французского языка и западного обряда вплоть до создания Французской поместной православной церкви. В статье используются как материалы мемориального издания, выпущенного Московской Патриархией в 1947 году в память о патриархе Сергии, так и новые, недавно введённые в оборот источники — письма и документы, открывающие новые аспекты истории «спора о Софии». Рассматриваются также определённые аспекты критики учения о Софии со стороны В. Н. Лосского, которые связаны с указами митрополита Сергия.

Ключевые слова: протоиерей Сергей Булгаков, «спор о Софии», Московская Патриархия, митрополит Сергей (Страгородский), Фотиевское братство, А. В. Ставровский, В. Н. Лосский, Н. А. Бердяев, природа, ипостась

Для цитирования: Козырев А. П. Митрополит Сергей (Страгородский) как критик софиологии протоиерея Сергея Булгакова. К истории «спора о Софии» // Ортодоксия. — 2024. — № 1. — С. 50–79. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-1-50-79

Трудно сказать, когда произошло знакомство святителя Сергия, будущего патриарха, и профессора Сергея Николаевича Булгакова, в будущем священника и профессора догматического богословия. Епископ Сергей (Ямбургский) был председателем Религиозно-философских собраний в Санкт-Петербурге (1901–1903), получив к тому времени епископский сан на посту ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Епископ Сергей хорошо знал русскую философскую и литературную среду, её настроения, в том числе и по отношению к традиционной православной церковности. Об этом свидетельствуют его слова, сказанные на открытии Собраний в помещении Императорского Географического общества 29 ноября 1901 года: «...мы собрались сюда не для того, чтобы провести несколько часов в приятной беседе. Беседа наша серьёзная и строго деловая. Нам тяжело наше разъединение и взаимное непонимание. Нас тяготит сознание всей пагубности этого разъединения и всей нашей ответственности за него. Нам нужен путь к единству, чтобы этим

единством нам потом вместе жить и вместе работать на общерусскую пользу. Но настоящего, серьёзного, действительно прочного единства мы достигнем только в том случае, если выскажемся друг пред другом, чтобы каждый видел, с кем он имеет дело, что он может от него принять и чего не может» (Записки 1906: 3–4).

Встреча интеллигенции и Церкви, даже претерпев относительную неудачу, была бесспорно ценным историческим прецедентом. Однако во многом её неуспех (было бы слишком сильно сказать — неудача, поскольку определённые положительные достижения у Собраний, несомненно, были) заключался в том, что «учительную» позицию по отношению к Церкви заняла интеллигенция. Отец Иоанн Кронштадтский с неодобрением отозвался о Собораниях и о печатавших протоколы журнале «Новый путь»: «Умники неумные, вроде Толстого и его последователей, хотят найти другой путь и, сбившись с истинного пути, находят путь заблуждения, отвержения Христа; не хотят веровать в то, что веками установлено, Самим Богом открыто и возведено; отвергают Церковь, Таинства, руководство священнослужителей и даже выдумали журнал “Новый путь”. Этот журнал задался целью искать Бога, как будто Господь не явился людям и не поведал нам истинного пути. Не найдут они больше никакого пути, как только во Христе Иисусе, Господе нашем» (Иоанн Кронштадтский 1903: 253).

С. Н. Булгаков участия в Религиозно-философских собраниях не принимал, он преподавал в это время в Киевском императорском университете¹. Епископ Сергей был отнюдь не самым консервативным архиереем Российской Православной Церкви. Будучи ректором Санкт-Петербургской духовной академии, он благословил рабочую организацию под руководством священника Георгия Гапона, в 1905 году, будучи епископом Финляндским, приветствовал царский манифест 17 октября, легализовавший свободу совести в Российской империи, а после революции на определённом этапе поддержал деятельность обновленческого Высшего церковного управления, в чём потом принёс покаяние патриарху Тихону и был принят в лоно канонической Православной Церкви.

Нужно отметить, что Декларация 16 (29) июля 1927 года, в которой Заместитель Местоблюстителя Патриаршего престола митрополит Сергей заявил о лояльности Церкви советской власти и подверг резкой критике деятелей зарубежной церкви, была неоднозначно воспринята

¹ В биографии патриарха Сергея (Одинцов 2013) указан ряд деятелей русского религиозного возрождения, которые не были и не могли оказаться в то время в Санкт-Петербурге, как то Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и П. А. Флоренский.

даже в эмигрантских кругах. Н. А. Бердяев, нередко отличавшийся вольнолюбивыми, а иногда и прямо антицерковными выступлениями в печати, занял здесь прямо «просергианскую» позицию, опубликовав 13 сентября 1927 года в «Последних новостях» статью «Вопль Русской Церкви», оставшись после этого до конца жизни верным чадом Московской Церкви. Бердяев, в частности, писал: «Нужно наконец до конца понять великую разницу в положении Православной Церкви в России и в эмиграции. Православная Церковь в России есть Церковь мученическая, проходящая свой крестный путь до конца. Православная Церковь в эмиграции не мученическая церковь, её епископы не знают, что такое мученичество, они в прошлом привыкли к господствующему и привилегированному положению в государстве, а за границей живут в атмосфере свободы. Это есть заметное для всех различие в положении. Но есть другое различие, которое не все принимают. Православная Церковь в России жертвенна в совсем ином смысле и претерпевает нравственное мученичество, неведомое и часто непонятное для церковных кругов эмиграции. Православная Церковь в России в лице своих водительствующих иерархов должна совершать жертву своей видимой красотой и чистотой, она нисходит в мир, находящийся в состоянии смертного греха. Жертва эта совершается во имя спасения Православной Церкви и церковного народа в России, во имя охранения её в эти страшные годы испытаний»².

Софиологическому спору предшествовала длительная церковно-каноническая распря, приведшая к тому, что большая часть русских приходов в Западной Европе вышла из канонического подчинения Московской Патриархии.

Указом Заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митр. Сергия (Страгородского) и временного при нём Синода от 26 декабря 1930 года было упразднено Епархиальное управление митрополита Евлогия в Париже, а выселенному поляками в Литовскую Республику и пребывающему во временной столице страны — Каунасе (Ковно) митрополиту Виленскому и Литовскому Елевферию (Богоявленскому), чья юрисдикция фактически распространялась на немногие приходы в Литве и остальной Европе, поручено было принять в своё временное ведение подчинившихся этому указу, причём митрополит Елевферий уже 14 (27) января 1931 года обратился поимённо к духовенству парижского церковного

² Бердяев Н. Вопль Русской Церкви. 13 сентября 1927 г. // Проект «Исторические Материалы». — URL: (<https://istmat.org/node/34587?ysclid=ltlxc2x6m6973432714>) (дата обращения: 28.03.2024).

Управления с посланием, в котором призывал духовенство перейти под управление из Москвы. Это побудило митрополита Евлогия, под началом которого был не только кафедральный храм Александра Невского на Дарю, но и Свято-Сергиевский богословский институт и его храм преп. Сергия, обратиться к Константинопольскому патриарху с просьбой принять его вместе с паствой под свой омофор. 20 мая 1931 года в Париже был получен указ митрополита Сергия (Страгородского), налагающий запрещение в священнослужении на митрополита Евлогия, сослужащих ему епископов и всё вверенное ему духовенство, на что митрополит Евлогий ответил тем, что пребывание в юрисдикции Вселенского Патриарха с 17 февраля 1931 года «совершенно ограждает» подчинённое ему духовенство от этого запрещения (Клементьев 2019: 290–291).

Поводом к «софиологическому» делу протоиерея Сергия Булгакова стал выход его книги «Агнец Божий», первой части его трёхтомной трилогии «О богочеловечестве», которую протоиерей успел завершить, но не успел издать. При жизни его вышло только два тома, третий — «Невеста Агнца» — был опубликован уже после его кончины, в 1946 году. Однако софиологические идеи отец Сергей начал развивать ещё в своих философских сочинениях — «Философия хозяйства. Часть 1. Мир как хозяйство» (М., Путь, 1913) и «Свет Невечерний. Созерцания и умозрения» (М., 1917). Возвратившись к софиологическим идеям уже в богословских работах эмиграции, отец Сергей предпринял попытку ряд догматов рассмотреть сквозь призму учения о Софии Премудрости Божией, которая понималась в его трудах по-разному — то как олицетворённая Любовь Божия, «особого рода четвёртая ипостась», то как «ипостасность», ипостасный принцип, связывающий природу и ипостась, то как усия-сущность Пресвятой Троицы, общее онтологическое основание трёх Божественных ипостасей. Делал он это из благих побуждений для того, чтобы раскрыть полнее, как ему представлялось, тайну Боговоплощения, показать связь Божественного и тварного, Бога и мира, но в учении Церкви имела устоявшаяся традиция понимать Божественную Премудрость как Воплощённого Сына Божьего, Иисуса Христа. Поэтому любые попытки говорить о Софии как о чём-то отличном от Христа, придавать ей черты отдельной ипостаси, или личности, воспринимались её критиками (а среди них были как епископы и священники, так и миряне) как отступление от канонического церковного учения, если не сказать острее. В 1927 году Архиерейский Синод РПЦЗ направил Послание на имя митрополита Евлогия, в котором отмечались тревожные тенденции в богословской

мысли протоиерея Булгакова. О готовящемся новом, теперь уже соборном, определении уже запрещённой к тому времени церковной юрисдикции митрополит Сергей и его сотрудники в Париже, скорее всего, знали. Можно высказать предположение, что указ от 7 сентября должен был его упредить. В 1935 году состоялся Собор РПЦЗ, который вынес обвинение протоиерею Булгакову в ереси, на котором присутствовали временно примирившиеся, но соперничающие и вскоре окончательно рассорившиеся митрополит Антоний Храповицкий и митрополит Евлогий Георгиевский. Учение «еретичествующего» протоиерея было одним из камней преткновения в борьбе двух православных юрисдикций за эмигрантскую церковную паству.

22 июня 1934 года митрополит Сергей и ещё не распущенный тогда Синод выполняют требование советского правительства и объявляют карловчан схизматиками с вытекающим отсюда запрещением в служении всех оказавшихся в иной юрисдикции.

Выход двух указов — от 7 сентября (№ 1651) и от 27 декабря 1935 года (№ 2267), адресованных митрополиту Литовскому и Виленскому Елевферию, викарию Московского Патриархата в Западной Европе, которому были поручены западноевропейские приходы, оставшиеся в юрисдикции Московской Патриархии, был не случаен. Информация о том, что соответствующий документ подготавливается в Сремских Карловцах (там находилась резиденция митрополита Антония и Синода РПЦЗ), конечно, могла дойти до Москвы. Указ от 7 сентября 1935 года обращает внимание на то, что софиология отца Сергея Булгакова построена на нецерковной основе, по своему характеру близка древним гностическим учениям и органически не совместима с учением Церкви. Сама нецерковность духовных и методологических установок о. Сергея развёрнутому анализу не подвергается, место учения о Премудрости Божией в рамках догматического учения православия не обсуждается, но подчёркивается искажение ряда догматов православного вероучения сквозь призму софиологии. При этом указывается на философско-теоретические, субъективно-творческие истоки концепции о. Сергея, на существенную смутность в ней природы Софии, на антропоцентричность богословской установки мыслителя, приводящей к чрезмерному метафизическому сближению Божественного и человеческого начал, на жёсткий телеологический детерминизм в истолковании миротворения, Боговоплощения, спасения. Отмечается также неверное понимание соотношения роли Голгофы и Гефсимании в учении об искупительной жертве Спасителя.

Второй указ митрополита Сергия, изданный в дополнение первому, через три месяца, как далее будет отмечено, уже после личного прочтения митрополитом книги протоиерея Булгакова «Агнец Божий», присланной из Парижа, специально посвящён булгаковской трактовке христологической проблематики, выраженной в «халкидонском догмате»: вопроса о сочетании двух природ — божеской и человеческой — в единой Ипостаси Иисуса Христа. Здесь, в частности, отмечается лояльное отношение Булгакова к ереси Аполлинария Лаодикийского. Второй указ содержит ссылки на страницы данного издания и тем самым как бы *post factum* призван отместить обвинения в том, что осуждение учения прот. Булгакова было произнесено митрополитом Сергием без непосредственного знакомства с его сочинениями. Этот указ получил меньший резонанс и известность, чем первый. Если на первый указ протоиерея Булгаков откликнулся «Докладной запиской», направленной по требованию митр. Евлогия, то на второй указ специального ответа со стороны отца Сергия Булгакова не последовало.

Указы рассматривались недоброжелателями, и не только в эмиграции, как часть соглашательской, просоветской деятельности митрополита, завершившего свой путь в сане патриарха, полученном не без участия Сталина. Так, первый указ воспринимался многими в церковной среде русской эмиграции. Мария Каллаш, писавшая под псевдонимом М. Курдюмов, выполнявшая функцию посредника меж двух враждебных станом — московским и евлогийанским, пишет отцу Сергию: «Дошло до того, что составление указа приписывают ГПУ, а рассмотрение Ваших богословских трудов — чекистам во главе с Ягодой» (Козырев, Климов 2016: 27).

А. Клементьев, ссылаясь на экземпляр из частного собрания изданной приходом Московской юрисдикции на rue Petel брошюры с текстом второго указа митрополита Сергия, принадлежавшей А. В. Карташеву, напротив слов митрополита «...остаться при определении от 24 августа 1935 года, о чём дать указы Преосвященным Архиереям» приводит пометку, сделанную рукою Карташова: «Какие и где его архиереи?» (Клементьев 2019; 303).

Карташев не был и не мог быть осведомлён о том, что указы не были выражением единоличного мнения митр. Сергия, при распушенном в это время Синоде (Синод «самоликвидировался» в мае 1935 года по указанию НКВД, что было очередным актом советских гонений на Православную Церковь); в их основе лежали Определения, подписанные

рядом архиереев. Первое Определение № 93 от 24 августа 1935 года было подписано Заместителем Местоблюстителя Патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) и ещё десятью архиереями. Среди них были митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), митрополит Казанский Серафим (Александров), митрополит Ярославский и Даниловский Павел (Борисовский), митрополит Ивановский Павел (Гальковский), епископ Мелекесский Артемон (Евстратов), архиепископ Орловский Александр (Щукин), епископ Калужский Августин (Беляев), епископ Рыбинский Варлаам (Пикапов), епископ Ульяновский Владимир (Горьковский), архиепископ Харьковский Иннокентий (Летяев), а также протоиерей Александр Лебедев, управляющий делами Московской Патриархии.

Второе Определение № 135 от 7 декабря 1935 года помимо митрополита Сергия подписали митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), митрополит Горьковский Феофан (Туляков), митрополит Ивановский Павел (Гальковский), архиепископ Елецкий Серафим (Протопопов), архиепископ Харьковский Иннокентий (Летяев), архиепископ Дмитровский Питирим (Крылов), архиепископ Владимирский Сергей (Гришин), архиепископ Орловский Александр (Щукин), митрополит Ярославский Павел (Борисовский), архиепископ Сталинградский Антоний (Романовский), а также прот. Александр Лебедев. Таким образом, можно заключить, что указы имели вид соборного суждения малого («неполного») собора из «прилучившихся архиереев» (М. П. 1998: 154).

В первом указе митрополита Сергия читаем: «О самом протоиерее С. Н. Булгакове, как состоящем вне общения с Православной Церковью Московского Патриархата, особого суждения в настоящее время не иметь, но в будущем, в случае возникновения дела о принятии протоиерея Булгакова в общение, поставить условием такого принятия, а равно и разрешения священнодействий, письменный отказ от своего софианского истолкования догматов веры и от других своих вероучительных ошибок и письменное же обещание неизменной верности учению Православной Церкви» [М. П. 1998: 173]. Известно и то, что указ был выпущен по «донесению» бывшего начальника Фотиевского братства А. В. Ставровского, секретаря митрополита Елевферия в Ковно. «Донесение» содержало критический разбор первой книги «большой трилогии» «Агнец Божий» (1933).

Братство святителя Фотия было создано в Париже в 1923 году Алексеем Ставровским и имело своей целью распространение православия во Франции. В 1924 году к нему присоединился приехавший

в Париж из Праги Владимир Николаевич Лосский, сын известного философа-интуитивиста Н. О. Лосского, профессора Петроградского университета, высланного из Советской России на одном из «философских пароходов». В братство вошли некоторые студенты только что созданного в 1925 году Богословского института преп. Сергия Николай Сахаров, Всеволод Палашковский, братья Пётр, Михаил и Евграф Ковалевские. Члены братства рассчитывали, что Франция станет очагом возрождения христианского духа на Западе и русские, находящиеся в рассеянии, этому поспособствуют. Манифест братства гласил:

«Мы заявляем, что Православная Церковь есть единая истинная Церковь Христова; что это не только восточная церковь, но Церковь всех народов земли, Востока, Запада, Севера и Юга; что каждый народ, каждая нация имеет право занять своё личное место в Православной Церкви, иметь свою каноническую автокефалию, при сохранении своих традиций и ритуалов, своего литургического языка. Объединённые каноническими догматами и принципами, Церкви соединяются с людьми, живущими в данной стране. Мы противостоям любой попытке и осуждаем любую попытку: 1. Ограничить Православную Церковь; 2. Отделять Церкви друг от друга; 3. Подчинять одну Церковь другой, более могущественной. Мы исповедуем единство во множественности и свободу, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь»³.

Предпринимались попытки создать Французскую поместную православную церковь, «Область Святого Иринейя», которая была конституирована в 1926 году во главе с одним из «братчиков» — Евграфом Ковалевским. Впрочем, она так и не сумела выйти за рамки маргинального явления. Они принимаются за разработку православных литургических текстов на французском языке, которые учитывали бы особенности западного предания. В 1927 году по благословению митрополита Евлогия служится первая православная литургия на французском языке, причём для неё используется перевод литургии Иоанна Златоуста, сделанный о. Владимиром Гётте, католическим аббатом, перешедшим в православие и вступившим в полемику с самим Владимиром Соловьёвым. Характерно, что они выбрали своим патроном византийского патриарха IX века Фотия I, при котором произошёл раскол между Константинопольской патриархией и Римским престолом в 863–867 годах. Он был канонизирован

³ История создания прихода Трёх Святителей [в Париже]: богословские основы возвращения к иконе // URL: http://iconeorthodoxe.free.fr/ru/textes/fondation_ru02.html#7 (дата обращения: 23.03.2023).

Константинополем в 1848 году, однако Русская Церковь долгое время не включала его в свой Синодик.

Основателем и первым начальником братства был 19-летний Алексей Владимирович Ставровский (1905–1972). Внук настоятеля Петербургского Адмиралтейского собора, один из участников евразийского кружка, он понемногу учился на философских и богословских факультетах в Софии и в Берлине, на филологическом факультете в Сорбонне и год — в Сергиевском Богословском институте в Париже, из которого был отчислен после первого курса за озорство (Клементьев 2019: 282). Ставровский примыкал к евразийскому движению, видя в нём наиболее адекватное выражение православия, а в себе и своих сподвижниках — «последние остатки подлинных православных церковных людей» (в письме к П. П. Сувчинскому) (Булгаков 2001: 46). Воспринимая себя принадлежащим к другому поколению (а сюда примешивается и плохо скрываемый упрёк старшим, «веховцам», к кругу которых принадлежал и Булгаков, в том, что они не уберегли Россию от революции), он тем не менее не воспринимал «софийцев» как абсолютно чуждых. Он писал П. П. Сувчинскому: «Когда я говорю о Софийцах, я имею в виду конкретный тип Булгакова-Карташева (двух сторон одного и того же). Позволительно спросить, что мне в них представляется ценным и каково моё к ним отношение. Я считаю, как Вам о том и писал, что это люди как бы то ни было глубокого внутреннего просвещения, опыта и недюжинного и богомудренного ума. Как бы левый край софийства в богословском отношении ни был близок к еретичности, а правый к ультраконсерватизму, софийцы прирождённые богословы, люди, горячо преданные православию, одни более, другие менее стойкие в исконном Исповедании и, во всяком случае, для Церкви ценные и нужные» (Булгаков 2001: 42). Письмо это было написано в августе 1924 года, и остаётся только гадать, почему меньше чем через 10 лет Ставровский инициирует осуждение булгаковской софиологии, направив «донесение» в Москву. Вл. Лосский стал заместителем Начальника Фотиевского братства. Б. Ф. в подписях Вл. Лосского, в письмах и на брошюрах, означает «Братство Фотия», подражая криптонимам католических орденов. Братство просуществовало до начала 1950-х годов. Его можно рассматривать в контексте возникновения и функционирования православных братств, структур не самых типичных для организации православной жизни. Конечно, следует вспомнить о Братстве святой Софии, возобновлённом в Праге в 1923 году при деятельном участии о. С. Булгакова, А. В. Карташева, В. В. Зеньковского,

П. И. Новгородцева и других деятелей русской религиозной эмиграции, многие из которых будут объединяться позже вокруг Свято-Сергиевского богословского института в Париже.

Мария Александровна Каллаш (урожд. Новикова), журналистка и писательница, до революции писавшая в России под псевдонимом «Гаррис», а в эмиграции принимавшая деятельное участие в церковной жизни прихода Московской Патриархии в Париже, после выхода первого Указа 7 ноября 1935 года пишет о. Сергию Булгакову большое письмо, доносящее до нас взгляд из того времени:

«Писал о Ваших богословских взглядах в Москву что-то Архиеп. Вениамин⁴. Думаю, что он первый затронул этот вопрос. Знаю, что М. Сергей ещё год назад (если не больше) обращался за сведениями по этому поводу к М. Елевферию, который поручил В. Н. Лосскому таковые сведения доставить. Знаю, что Лосский, ввиду церковного разделения, считал какие-либо окончательные суждения Моск. Патриархии в этой области несвоевременными. Насколько мне известно, Митр. Сергей вторично просил сведений. И вот тут-то и произошло то самое, с чем не может примириться моя совесть. Митр. Елевферий не столько поручил, сколько согласился на предложение Ставровского послать в Москву выписки из Вашего труда. Самым простым было бы переслать Вашу книгу «Агнец Божий» Митр. Сергию, который не знал, что пересылка возможна. Как мне очевидно ясно, Ставровский не ограничился подтасованными выписками, но сочинил собственный “отзыв” и не только об учении Вашем, сколько, вероятно, о том, что учение-де настойчиво проповедуется Вами везде и всюду, что всё православное зарубежье и даже часть инославных, влекомых к православию, “заражены софианством”.

Ставровского Вы знаете. Не за его несчастный поступок растраты чужих денег мне его трудно принять, а за его самоуверенный критицизм всех и каждого, за его жандармский дух в Христовой Церкви. Владыка Елевферий принял его к себе псаломщиком из жалости в тот момент, когда Ставровский *должен был* уехать из Парижа и деваться ему было некуда. Стать близким Митрополиту Ставровский никак не мог, не любим он и духовенством в Ковно. Митрополит как не знал прежде Ставровского, так и не узнал его и теперь. Будучи в высшей степени человеком чистой и прямой совести сам, Владыка Елевферий с трудом допускает мысль, что

⁴ Митрополит Вениамин (Федченков) (1880–1961), в 1930 году после отстранения митр. Сергием митрополита Евлогия от управления западноевропейскими приходами, остался верным Московской Патриархии и покинул Свято-Сергиевский институт.

“церковные люди” в важнейших вопросах от совести могут отступить. Конечно, положился он на “осведомлённость” Ставровского и на его честность, после слёзного покаяния последнего в парижских грехах. Мог ли Митрополит, такой, как он есть, в кристальной непогрешимости своей, допустить мысль, что Ставровский сгустит краски или сделает подтасовки в столь ответственном поручении?

А теперь представьте себе на минуту положение Митр. Сергея, живущего в советской “осаде”. Конечно, Ставровский не преминул сообщить о себе, что он — “богослов” по специальности и бывший “начальник” Фотиевского братства. Об этом братстве у Митр. Сергея существует самое неправильное представление. Он никак не допускает мысли, прочтя их устав, *10 или 12 лет назад утверждённый Митр. Евлогием*, что столь широкие задания доверены *группе мальчиков*, тогда ещё наполовину несовершеннолетних (ведь и братство — дело Ставровского, т<ак> к<ак> Лосский в то время жил у отца в Праге). И о возрасте, и о деятельности братчиков, с детской самоуверенностью и по попущению М. Евлогия, получивших право именоваться “вселенской организацией”, иметь свои храмы и проч<ее>, в Моск<овской> Патриархии должно было сложиться понятие как о чём-то весьма значительном. Исходя из этого М. Сергей, конечно, принял доклад целиком и без оговорок. — Далее, представьте себе и обстановку работы Патриархии, которая вот уже сколько лет ведёт борьбу и с “обновленцами” и с “живцами” и со всякого рода сектами, ересями, растущими как грибы. В Патриархию, как видно из её “Журнала”, с разных сторон поступают всевозможные запросы, требующие немедленного разъяснения. Получается обстановка несколько напряжённая, непрерывное стояние на страже чистоты веры прежде всего. И в этой обстановке “доклад” Ставровского, звучавший, не сомневаюсь, как вопль — “потщися — погибает!”, вызвал слишком поспешное решение. Я знаю, как удручён был указом Владыка Елевферий, долго не хотевший его печатать; как были огорчены и Лосский и Максим Ковалевский и другие. Они не знали, что делать. Недели три назад по настоянию моему послан М. Сергию “Агнец Божий”. Сами братчики просто не догадались этого сделать» (Козырев, Климов 2016: 26–28).

Авторство «донесения», оно же наскоро составленный «конспект» «Агнца Божьего», принадлежало тридцатилетнему Алексею Ставровскому, который в это время жил в Ковно и был членом Епархиального совета Литовской епархии Московской Патриархии. Об этом свидетельствует и заместитель начальника Фотиевского братства Владимир Лосский,

вынужденный письменно объяснить с Булгаковым после разразившегося скандала: «Видя в Вашем богословии наиболее существенное, центральное явление современной мысли, требующее всестороннего раскрытия и догматического ответа со стороны Церкви, мы ответили на сообщённый нам М. Елевферием запрос М. Сергия об “Агнце Божиим”. В нашем предварительном письме мы указали М. Сергию, что развиваемое Вами учение — не безжизненная кабинетная доктрина, но попытка живого постижения догматов Церкви в духе экклезиологической эпохи, в которую мы живём, что попытка эта содержит в себе много неясного, а иногда и прямо несовместимого с православными догматами и потому требует особого внимания со стороны как иерархов, так и церковного народа, призванных хранить в полноте и являть миру в меру необходимости Истину, покоящуюся в Церкви. Мы приняли на себя задачу систематической критики Вашего учения, которая могла быть выполнена не ранее нескольких месяцев, после чего намечались послать наши основные тезисы. Указ М. Сергия явился раньше, чем мы могли закончить эту работу. Он был основан на обширных цитатах из «Агнца Божия», собранных под руководством М. Елевферия, А. Ставровским. Видеть здесь какую-либо злую волю Ставровского было бы неосновательно: он действовал в данном случае как секретарь Владыки. Тем менее можно заподозрить в преднамеренном подборе цитат самого М. Елевферия, человека крайне добросовестного, притом — незаурядного богослова, не страшющегося необычности мыслей или формулировок. Может быть, единственным недостатком доклада Ставровского (я сам его не видел) является слишком большое место, уделённое им учению об искуплении, которое отнюдь не имеет центрального значения в Вашем построении.

Как бы то ни было, критика Митрополита Сергия, несмотря на свою краткость и неполноту материала, направлена против самого существа Вашего учения. Указ, разосланный главам автокефальных Церквей, открывает новый великий догматический спор. Мы полагаем, что Вы, так же как и мы, желаете прежде всего, чтобы этот спор не оказался бесполезным, но послужил к оживлению и возвышению догматической мысли в Православном мире, чтобы высказанные Вами положения оказались изжитыми Церковью и восполненными из неоскудевающего живого источника Ее Предания, наконец, мы уверены, что Вы ищете не “своего богословия”, но богословия Церкви.

“Агнец Божий” послан мной в Москву. В течение ближайшего времени будет закончен и отослан наш доклад. Одновременно мы пишем

“Исповедание”, в котором пытаемся формулировать *положительное учение, в связи с основными пунктами Вашей доктрины. Добиться осуждения Ваших книг всею Церковью было бы слишком легко*. Не в этом наша цель. Мы хотим спорить не о словах, но о самом существовании поднятых Вами вопросов, чтобы тем подготовить сознание верных к новому догматическому определению, которое должна дать вся Церковь по поводу Вашего учения» (Козырев, Климов 2016, 35–36).

В описании Вл. Лосского ситуация предстаёт несколько иначе, чем в описании М. Каллаш, согласно которой инициатором составления и отправки «донесения» был не митрополит Елевферий, а именно Ставровский.

Фигура Вл. Лосского оценивается М. Каллаш тоже неоднозначно (нужно принять во внимание, что она пишет о своих ближайших сподвижниках по приходу и церковной юрисдикции): «Лосский — человек глубоко честный, несомненно учёный, но того совершенно консервативного склада, которым определяется не только политический, но и своеобразный религиозный “фашизм”, склонный к преувеличению церковной дисциплины даже до крайностей. Будучи товарищами Ставровского, в прошлом привыкнув ему подчиняться, считая, что он “впал в грех”, но затем и покаялся и кару понёс, они в нём не разбираются до конца». Упоминание фашизма в этом контексте далеко не случайно, вспомним критику «духовной педократии», интеллигентского культа учащейся молодёжи в статье С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» в сборнике «Вехи». Или более поздние слова Н. А. Бердяева о том, что «фашизм есть диктатура молодёжи над мыслью» (Бердяев 1935: 73), сказанные как раз в статье, посвящённой церковному осуждению софиологии. Н. М. Зернов характеризует Алексея Ставровского как «человека властного и боевого темперамента» (Зёрновы 1973: 161–162). Примечательно, что законченного богословского (как, впрочем, и какого-либо другого) образования Ставровский не получил, а с богословской литературой знакомился весьма эпизодически. На вопрос предложенной А. В. Карташевым анкеты «Что изучал или читал из области Истории Церкви (или церковной литературы, богословия)» он отвечал: «В области богословия читал: по [...] патристике — Творения Григория Богослова; догматике — Хомякова Церковь Одна, и нек[оторые] др[угие] статьи» (Клементьев 2019: 284). Один из активистов РСХД Иван Лаговский писал отцу Сергию: «Меня просто переворачивает то, что за анализы берутся такие деятели православия, как “Ставровский”, никогда, собственно, и прикосновения

к богословствованию не имевший и иметь не могущий — без знания, без школы, без подвига жизни. Действительно — “базар”, посягающий на “место святое”. Я лично очень хочу написать митрополиту Сергию, как нелепо и неосмотрительно он доверился проходимцу от богословия. Хочу только собрать кое-какие фактические данные. Выйдет из этого что-либо, не выйдет — как Бог даст, но написать надо. Я всё-таки верю, что со стороны митрополита было наивное и добросовестное заблуждение, незнание того, что за фигура Ставровский и какова ценность его “анализов”. Хотя вообще “случай” типичен для нашей эпохи, для общей безответственности и легковерия вместе с склонностью к самым категорическим и решительным суждениям» (Козырев, Климов 2016: 38–39).

После вхождения Литвы в СССР в 1940 году Ставровский отказался поступать в Красную армию и эвакуироваться. Однако после прихода гитлеровцев он предпочёл сотрудничество с немецкими оккупационными властями, занимая должность Поверенного по делам русского населения Литовского генерального округа. После освобождения Литвы Советской армией от нацистов Ставровский бежал в Италию, укрылся в Риме, в католическом монастыре у отца Филиппа де Режиаса, основателя Руссикума. Там скрывалось много русских беженцев. За переход в католичество они получали сумму в 16 500 лир (220 долларов), столько стоила виза на американский континент. В 1948 году в числе тысяч русских беженцев, посаженных на корабли о. Филиппом, он эмигрировал в Буэнос-Айрес, в Аргентину. Там Ставровский вошёл в Комитет российской колонии, издавал брошюры, сотрудничал в газете для русских эмигрантов «За Правду. Орган Русского Христианского Возрождения», издаваемой о. Филиппом де Режиасом⁵. В конце жизни Ставровский эмигрирует в Испанию, в Мадрид, где занимается журналистской и богословской работой, там и оканчивает жизнь. О католическом вероисповедании Ставровского в его послевоенный период свидетельствует статья, написанная им в поддержку папского догмата непогрешимости (Ставровский 1985). Владимир Лосский, напротив, принимал активное участие в антифашистском Движении сопротивления в оккупированной Франции, о чём он оставил свидетельство в книге «Семь дней на дорогах Франции».

В недавних публикациях о «споре о Софии» встречается точка зрения, что указы были изданы митрополитом Сергием просто для того, чтобы

⁵ Кублицкая М. А. Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке // Эмигрантика.ру. — URL: <http://emigrantika.imli.ru/publications/840-kublickaja> (дата обращения: 16.04.2023).

напомнить о себе. Её придерживается А. Клементьев: «Представляется, что едва дышавшая к этому времени Московская Патриархия не столько выступала за чистоту православного богословствования, сколько за счёт широкой известности о. Сергия Булгакова и в эмиграции, и в России, дважды нашла хотя бы какой-то повод напомнить о своём существовании окружающему миру и заявить вновь о своих, теперь уже призрачных, правах на происходящее в церковном хозяйстве митрополита Евлогия. Сперва Указом от 7 сентября 1935 года — в преддверии предполагаемой и чаемой большей частью эмиграции в Европе поездки митр. Евлогия на объединительное церковное собрание в Сремские Карловцы, а затем — новым Указом от 27 декабря 1935 года, после состоявшегося уже объединения Зарубежного Синода в Сремских Карловцах и епархии митр. Евлогия (тем самым повторно отстранившегося от каких-либо отношений с подсоветской церковной структурой теперь уже в рамках вновь единой Заграничной Русской Церкви)» (Клементьев 2019: 303). Однако трудно согласиться с таким объяснением уже хотя бы потому, что творчество протоиерея Булгакова вряд ли могло представить своей деятельностью какую-либо опасность для верующих в Советской России, особенно если учесть, что выпускаемые им книги в СССР попасть легальным путём не могли.

Можно предположить, что одной из причин появления Указов был осознанный выбор митрополита Сергия — сделать ставку на молодых, амбициозных «фотиевцев», выступивших со смелым проектом ведения православной миссии среди инославных в Европе и, прежде всего, во Франции. За протоиереем Булгаковым был опыт дореволюционной интеллигенции, пришедшей к православию из неверия, марксизма и интеллигентского снобизма. Однако в ситуации эмиграции это вылилось в создание достаточно замкнутой структуры, объединяющей людей одного поколения и социального опыта и претендующей на участие в экуменическом диалоге, что было во многом предопределено поддержкой YMCA и другими западными религиозными организациями. За «фотиевцами» была готовность к литургическим и языковым новациям для расширения православной миссии на территории латинского Запада. Речь шла о сходных задачах, выполняемых с помощью разных богословских и интеллектуальных стратегий. Если для Булгакова и представителей «парижского богословия» на первом плане стояла задача свободного богословского творчества, включённого в дискурс модерна, то для Владимира Лосского и его товарищей по Фотиевскому братству первостепенной казалась задача православной миссии во франкоязычной среде, которая включает

в себя перевод богослужения на французский язык, создание православия галликанского и даже латинского обряда, а также задачу богословского синтеза, позволяющего изложить не только догматику, но и сам дух православия на языке европейской культуры.

Амбиции Фотиевского братства носили в том числе политический характер. Но всё же Фотиевское братство вряд ли находилось под прямым кураторством советских спецслужб, в отличие от некоторых объединений евразийцев, и поэтому вряд ли их проект «обличительного богословия» мог быть заказан им с Лубянки. Митрополит испытывал особое доверие к «фотиевцам». Сербскому патриарху Варнаве (своему бывшему студенту в СПбДА) митрополит Сергей пишет, сетуя на карловацкий раскол, осуждённый ещё патриархом Тихоном, что «наша духовная эмиграция вместо того чтобы, подчинившись воле Божией, раскрыть перед западным христианством всё сокровище православной веры и жизни, доставляет Европе малоназидательное зрелище бессмысленного с церковной точки зрения раскола со всеми его неприглядными сторонами: со взаимными запрещениями, с травлей противников в газетах и с церковного амвона, со вторжением в чужие приходы и так далее» (Послание 1933: 161).

Почившего в 1944 году патриарха Сергея вспоминали в Париже два года спустя после его кончины, в 1946 году: первым среди выступавших был «профессор» Н. А. Бердяев (так указано в отчёте, опубликованном в газете «Советский патриот», № 83 за 1946 год). «Заявив о том, что другой России, кроме советской, сейчас не существует, проф. Бердяев именно в свете этого положения рассматривал современную роль и деятельность православной Церкви в СССР. Русский народ всегда нёс и несёт в себе религиозную и социальную миссию. Никогда русские люди не сомневались в том, что в России может быть создан иной мир, чем мир Запада. Мы должны разделить судьбу Церкви, принявшей судьбу Родины и неразрывно связанной с народом. Вреднее и опаснее всего враждовать извне» (Патриарх Сергей 1947: 251–252).

В книге «Патриарх Сергей и его духовное наследство», выпущенной издательством Московской Патриархии в 1947 году (в её составлении активно участвовала М. А. Каллаш-Курдюмов), было опубликовано три письма митрополита Сергея В. Н. Лосскому (правда, без указания адреса). В одном из них митрополит делится с Лосским своими суждениями о характере православной миссии в Европе и допустимости французского языка в богослужении, а также использования галльского и даже римского обрядов. «Весьма приемлемой представляется мысль, чтобы наша

миссия развивалась в порядке, так сказать, частного предприятия, чтобы она пользовалась известной независимостью от церковно-административных органов, точнее, от бумажного делопроизводства, которым они грешат. За частное предприятие к тому же и Церковь не несёт полной ответственности, а это представляет миссии свободу инициативы, так необходимую для её дела» (Патриарх Сергей 1947: 72). Интересны приведённые в этом письме рассуждения митр. Сергия о возможности для православия использовать западный обряд, в том числе римский, в миссионерских целях, а также о возможности совершать богослужения восточного обряда на французском языке: «Не будем навязчивы никому с нашим западным обрядом в какой бы то ни было редакции, предоставив выбор самим обращающимся. Когда в Чехии возникло движение к Православию, то покойный А. А. Киреев забил тревогу: “Зачем чехам Православие? Для западных Православие — в старокатоличестве”. Не будем повторять этой ошибки. Тот, кому желателен западный обряд, пусть им пользуется. Наличие западного Православия имеет глубочайший смысл. Это очень хорошо и в ближайших целях миссии. Но мы знаем бывших инославных людей, богословски образованных и мыслящих, которых привлёк именно наш восточный обряд своей глубиной и религиозной насыщенностью. Для нас, восточных, западный обряд — интересная новость, для западных же он — обыденное явление» (Патриарх Сергей 1947: 74).

В письме от 23 октября 1935 года митрополит Сергей выражает благодарность В. Н. Лосскому за присылку его брошюры. Непонятно, о какой брошюре идёт речь, ведь брошюра Владимира Лосского «Спор о Софии», представляющая собой развёрнутый комментарий к указам митр. Сергия, вышла из печати только в 1936 году. Возможно, её текст был послан митрополиту Сергию ещё в рукописи. «Прочитал я её с большим интересом и удовольствием, — пишет он. — По моему мнению, она написана и основательно и остро. Дай Бог, чтобы полемический задор не у всех из булгаковцев закрыл глаза, когда они будут читать Ваши доводы» (Патриарх Сергей 1947: 75). Далее митрополит Сергей сообщает: «Вы можете смело утверждать, что об этой книге я сужу отнюдь не по выпискам: она мною получена и внимательно прочитана» (Патриарх Сергей 1947: 75). Выявляя богословские ошибки прот. С. Булгакова, митрополит пишет: «Увлекаясь воображением, Булгаков рисует очень эффектную картину, как, наряду с посылаемыми в мир для воплощения сотворенными духами, посылаются для воплощения же и “Несотворенный Дух — Логос”. Получается догматический сумбур (о сознательной ереси,

конечно, говорить не приходится). Спаситель в беседе с самарянкой сказал: “Бог есть Дух”, т. е. не 1-е, не 2-е и не 3-е лицо Пресвятой Троицы, а вся Пресвятая Троица в своей нераздельности есть дух, духовный индивидуум в том же смысле, как духовным индивидуумом является и всякое сотворённое духовное существо, дух ангельский или человеческий. Можно, конечно, назвать (как и называют) духом и которую-нибудь из Ипостасей Пресвятой Троицы в отдельности, но в известном ограниченном смысле, и отнюдь не “наряду с сотворёнными духами”, не в качестве цельного духовного индивидуума. Иначе получается известный софизм “четверица терминов”. Правда, софианство и можно строить только на софизмах... Для здравого же учения, если Логос есть духовный индивидуум наравне с человеческими и ангельскими индивидуумами, тогда речь идёт не о Троиедином Боге, а о трёх богах, что и сам Булгаков, конечно, не захочет допустить» (Патриарх Сергей 1947: 75–76).

В указах митрополита Сергея нет прямого обвинения отца Сергея Булгакова в ереси, в отличие от карловацкого соборного Определения. Архиерейский Собор в Сремских Карловцах проходит именно в эти дни (Определение «о новом учении прот. С. Булгакова о Софии — Премудрости Божией» датируется 17 (30) октября 1935 года (см.: Энеева 2001: 90–111), и митрополит Евлогий на нём присутствует. Сознательно или нет, митрополит Сергей в своём письме В. Лосскому отождествляет евлогиан и карловчан, ведь они находятся в это время в состоянии примирения, он пишет: «Очень интересно будет знать, к чему придут евлогиане на своём съезде, если вообще они собираются приходить к чему-нибудь определённого, а не просто прятать голову в песок» (Патриарх Сергей 1947, 75–76). 7 ноября 1935 года М. Каллаш сообщает Булгакову: «Недели три назад по настоянию моему послан М<итрополиту> Сергию “Агнец Божий”. Сами братчики просто не догадались этого сделать» (Козырев, Климов 2016: 29). Если речь идёт об этом экземпляре, то можно видеть, что получен он был достаточно быстро, а содержание письма митр. Сергея В. Н. Лосскому от 23 октября в известной степени сказалось на втором указе Московской Патриархии по поводу Булгакова, одной из целей которого было поставить последнюю точку после Определения карловчан.

Как бы то ни было, либеральной частью эмиграции, ставящей на первый план задачу оправдать свободу богословского творчества, указы митрополита Сергея были восприняты негативно. Николай Бердяев, который был прихожанином Трёхсвятительского храма, находящегося

в юрисдикции Московской Патриархии, почуял в указах «дух великого инквизитора» и обвинил митрополита Сергия в желании «вернуть русское православие к тому состоянию бессмыслия, в котором оно находилось в старом Московском царстве» и «зачеркнуть русскую религиозную мысль XIX и XX в. в., единственную, которая была в православии после греческой патристики и византийских течений XIV века» (Бердяев 1935: 73–74). Не в последнюю очередь причиной такого вердикта было «донесение» Ставровского: «Значение указа, осуждающего о. С. Булгакова, не только очень компрометируется, но и совсем аннулируется тем фактом, что м. Сергий книг о. С. Булгакова не читал и составил своё суждение на основании изложения некоего г. Ставровского и сообщений Фотиевского братства, т. е. на основании доноса. Если в научной или философской литературе составляют себе суждение о взглядах какого-либо автора, не читая его книг, то это называется недобросовестностью и морально осуждается. Но в литературе административно-правительственной, будь она церковной или государственной, слишком часто основываются на доносах и шпионских показаниях, и там этика, очевидно, другая. Не существует харизмы, допускающей суждение о книгах непрочитанных» (Бердяев 1935: 72–73).

Выступление буквально впавшего «в раж» Бердяева показалось чрезмерным и резким многим представителям эмигрантского духовенства. Так, протоиерей Сергей Четвериков, духовник и священник РСХД, счёл невозможным общаться с Бердяевым после этой статьи (см. письмо В. В. Зеньковского Б. П. Вышеславцеву (Козырев, Климов 2016: 56). Накал страстей, поднявшихся в среде русской эмиграции, описан в мемуарах Н. О. Лосского, где тот приводит свидетельство своего сына Владимира о заседании Религиозно-Философской Академии «О свободе мысли в Церкви», состоявшемся в ноябре 1935 года в Париже на бульваре Монпарнас, 10. Оно закончилось настоящей дракой между Б. П. Вышеславцевым и Максимом Ковалевским, одним из «фотиевцев», причём именно Вышеславцев первым ударил Ковалевского по лицу. Достаточно привести лишь небольшой фрагмент из этой записи: «...Бердяев (на которого опять нашла одержимость, затуманившая его проснувшееся было джентльменство) стал нести явный вздор о Церкви, которая “всегда жгла, резала языки, морила в Сибири и угнетала такими средствами всякую мысль” — на что Максим Ковалевский ответил: “Но теперь, слава Богу, это невозможно; отца Сергия Булгакова никто не посылает в Сибирь”. Тут Бердяев, не зная, что сказать, ответил страшную

чушь: “Митрополит Сергей может отправить его в ад”. На это резонно ответил Максим: “Вы приписываете митрополиту Сергию значение большее, чем мы”. Бердяев понял, что сказал глупость, и отнял у Максима слово» (Лосский 2008: 240).

В мемориальной книге, посвящённой памяти патриарха Сергея, В. Н. Лосский будет отмечать богословскую новизну мысли усопшего Предстоятеля, связывая её во многом с позицией, занятой в софиологическом споре. «Основной догмат, защита которого проходит красной нитью во всём споре святейшего Сергея против софиологии протоиерея С. Булгакова, является различием между *природой и личностью* в Боге и в разумных творениях — таинственное различие, лишь приоткрывающее для нас два неизвестных, противопоставляя их одно другому» (Патриарх Сергей 1947: 265). Софиология неприемлема для Лосского тем, что в ней личность поглощена природой, а её свобода перед Богом меркнет перед детерминацией космического процесса: «Богословская мысль, наделяющая природу ипостасным, личным началом, — как в софиологии отца Сергея Булгакова, — растворяет человеческие личности с их свободой по отношению к Богу и к миру в космическом процессе возвращения тварной Софии к Богу» (Патриарх Сергей 1947: 267). Для Лосского смешение ипостаси и природы, впрочем, как и их полное разделение, имеет вполне определённые социальные следствия, которые после окончания войны вырисовываются с новой подлинной прямоотой, которая в разгар спора, десятилетие назад, была ещё не так очевидна. Говоря о трёх ложных позициях в богословском синтезе, намечающем отношение природы и ипостаси — софиологическом, схоластическом и персоналистически-экзистенциальном, он поясняет эти три ложных с его точки зрения учения тремя примерами из социальной области: «тоталитарность сверхличного мифа, индивидуализм “духовного мещанства” и беспочвенность “вечной революции”» (Патриарх Сергей 1947: 269).

В. Н. Лосский мыслил категорию «личность» как понятие, призванное отражать логически непостижимое *существо*, трансцендентное всякой «природе» в качестве мыслимой постижимости, конкретной данности, сущности. Личность понималась им не как то, что полностью вмещается в природу, а как то, что, вмещаясь в природу и содержа, интегрируя её, всегда остаётся запредельной всякой природной ограниченности. Поэтому ни дух, ни душа, ни тело человеческого индивидуума не тождественны его личности, но, вмещая и выражая единство этой личности, не исчерпывают её таинственной живой глубины и служат её орудиями.

Преломляя это понимание идеи личности в работе «Догматическое богословие», Лосский указывает, что Личность Христа объемлет две природы — Божественную и человеческую, ибо не замыкается ни в одной из них. Оставаясь Божественной, Она остаётся и человеческой, как и напротив, причём ни Божество не превращается в человечество, ни человечество в Божество (Лосский 1991: 265).

Отсюда становится более ясным понимание Лосским Боговоплощения как вхождения Ипостаси Сына в полноту человеческой природы и образование *персоналистического* единства двух природ, то есть единства, создаваемого Личностью и осуществляемого через Личность, трансцендентную «природам», а потому не ведущего к их безличному онтологическому слиянию, не обуславливающему устранение онтологической разобщённости между Богом и мировой реальностью, а значит, и исчезновение человеческой свободы.

С этой точки зрения софиология о. С. Булгакова представляется как явный уклон от теизма в дохристианский безличный онтологизм, на что и обращает внимание В. Лосский в «Споре о Софии». Он очерчивает отождествление в софиологической антропологии *личности*, или *ипостаси*, с *духом*, в силу чего он перестаёт быть частью природы, а в софиологической христологии — отождествление Божественной Ипостаси с *духом* человеческим, что приводит, с одной стороны, к перенесению всей трагической духовной жизни человечества в Божество, а с другой — к сужению полноты воплощения Бога в человеческой природе и к искажённому пониманию Боговоплощения. Ибо Богочеловек для Булгакова оказывается не личным единством двух природ, не совершенным Богом и совершенным человеком в единстве личности, а носителем какой-то безличной природы «Богочеловечества».

Критика В. Н. Лосским софиологии отца Сергия Булгакова в работе «Спор о Софии», вызванной указами митр. Сергия (Страгородского) и, как мы видим, эпистолярным обсуждением этой проблематики непосредственно в переписке с первоиерархом Московского Патриархата, явилась продолжением рассмотрения богословского существа и философско-методологического основания нового учения. Лосский, вполне сохраняя ортодоксальную богословскую установку на первенство апофатического метода над катафатическим, на строгое следование теизму и христианскому персонализму, на духовно-энергичное понимание связи Бога и человека, сумел не только обнаружить в системе отца Сергия ряд отступлений от православной традиции в сторону философского пантеизма

и имперсонализма, но вскрыть их мировоззренческие и методологические источники, а также, хотя и в весьма общей форме, указать на возможное направление разработки православного учения о Премудрости Божией. Как указывает В. Н. Ведерников, реакция о. Сергия Булгакова на работу Лосского была далека от раздражения и обиды и выражала скорее удивление перед пламенностью и глубокими познаниями критика:

«В архиве Московской Патриархии сохраняется письмо митрополита Елевферия, в котором он пишет Патриаршему Местоблюстителю Митрополиту Сергию о том, что Указ, осуждающий неправомыслие о. Сергия Булгакова, явился “благовременным актом власти”, подорвавшим авторитет его книги “среди иноверцев и наших невегласов”, что книга Владимира Лосского с критикой ответа о. Сергия Булгакова на Указ об осуждении “хороша, сильна и содержательна” и что она, по словам Владимира Лосского, “вызвала похвалу самого о. Булгакова за эрудицию её автора” вместе с сожалением, что последний “не состоит в среде богословствующих проблематиков”» (Ведерников 1972: 217). Б. Н. Лосский (брат Владимира) свидетельствует, что, когда «спор о Софии» затих, В. Н. Лосский и о. Сергей Булгаков обменялись несколькими письмами и что в ответном письме (текст которого нам неизвестен) отец Сергей высказал пожелание, чтобы плодом богословского ума и таланта Лосского стал не критический, а созидательный труд. Таким трудом явился «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», вышедший на французском языке в 1944 году. По свидетельству протопресвитера Бориса Бобринского, В. Н. Лосский глубоко уважал о. Сергия как выдающегося представителя современной богословской мысли и в последние годы жизни выражал надежду, что софиологическая проблематика найдёт своё разрешение в положительном и созидательном труде молодых православных богословов.

По свидетельству Анатолия Васильевича Ведерникова, «“Спор о Софии” тревожил Владимира Лосского до конца жизни, заставляя его воздавать должное той правде, которую содержали доводы противника, как вспоминает об этом друг покойного богослова Луи Буайе в своей мемориальной статье о нём. А в другой статье, написанной тоже одним из французских друзей и учеников Владимира Лосского, указывается, что “всё его богословие, сконцентрированное на нетварной благодати, на паламитском понятии Божественной энергии, действительно пытается выразить, в свете Предания и в строго православных понятиях, основные интуитивные моменты в мышлении о. Сергия Булгакова”» (Ведерников 1972: 217–218).

В эмиграции «спор о Софии» закончился практически ничем. Совещание епископов Православных русских церквей в Западной Европе 14 июля 1936 года под председательством митр. Евлогия (Георгиевского) заявило, что «дело о неправильных богословских мнениях протоиерея С. Булгакова возникло вследствие донесения членов Фотиевского Братства Ставровского и Лосского», и, признав, что «оно не разделяет взгляды протоиерея С. Булгакова», отметило тем не менее, что протоиерей С. Булгаков «известен как благочестивый священник, молитвенный и учительный, горячо любящий Святую Церковь священнослужитель, усердный проповедник и духовник. Очень трудно представить, чтобы этот ревностный пастырь мог быть еретиком. В его сочинениях есть отступления от истины, но у него нет упорного противления истине: он не враг, не противник Церкви, которой он отдал все свои силы, он её смиренный и преданный, хотя, может быть, на некоторых вопросах заблуждающийся, священнослужитель» (Козырев, Климов 2016: 278–280). Было решено отложить решение по вопросу о богословском учении прот. С. Булгакова до представления исчерпывающего доклада специально созданной Комиссии. После того как Комиссия представила несколько докладов и «особых мнений», Совещание епископов было собрано повторно 26–29 ноября 1937 года. И вновь обвинение ереси от прот. Булгакова было отведено: «Совещание согласно с Комиссией отвергает это тяжкое обвинение его в еретичестве не только потому, что сочинения о. С. Б. ещё недостаточно изучены, что о них ещё не было высказано авторитетного суждения церк. <овой> власти, но и потому ещё, что это учение о. С. Б. ещё не получило окончательной обработки. Преждевременно позтому выносить тяжкие обвинения его во ереси. Богословские мысли прот. С. Б. — это не горделивое противопоставление им своей доктрины церковной истины. Это скромное, хотя и горячее искание её. Это его личное убеждение, теологумены, кот. <орые> он представляет на суд науки и церкви. Они ждут всесторонней критики, конечно, не являются ересью в точном историческом понимании этого слова» (Козырев, Климов 2016: 370).

Булгакову было рекомендовано пересмотреть его учение, дабы не порождать «смущения в простых душах, которым недоступно богословско-философское учение» (Козырев, Климов 2016: 370), и не преподавать своё учение студентам Богословского института, однако, по свидетельствам прот. Василия Зеньковского, он «на лекциях излагал всё как раз в свете софиологии» (Козырев, Климов 2016: 373).

Не вызывает сомнения тот факт, что смелость богословского мышления протоиерея Сергея Булгакова, в своём дореволюционном прошлом известного экономиста, философа, публициста, профессора Московского университета, члена Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов от мирян, приводила в оторопь церковных богословов, получивших традиционное академическое богословское образование. Поэтому нельзя усомниться в законности тех претензий, которые высказывали митрополит Сергей и В. Н. Лосский к его учению о Софии. Указ, изданный по поступившему в Патриархию «донесению», послужил поводом к бурной богословской полемике в эмигрантской среде. В то же время нельзя не отметить, что угроза богословских «гипотез» Булгакова, по крайней мере частично, нивелировалась сложностью его книг, их труднодоступностью для «среднего» прихожанина и в конечном итоге имела небольшое влияние на православную среду. В пользу этого говорит и тот факт, что учение Булгакова в Богословском институте практически не имело последователей и не прижилось. Разве только Л. А. Зандер среди преподавателей Института был ревностным и верным приверженцем богословских идей Булгакова, систематизировав и обобщив их в своём труде «Бог и мир» (УМКА-press, 1948). Однако Зандер преподавал в Институте философию, а также занимался различными коммерческими проектами (например, организовывал гастроли хора Сергиевского подворья по Европе), поэтому большого влияния на развитие богословской мысли в эмиграции он не оказал. В конце 1990-х годов, когда мне довелось оказаться в Богословском институте, об отце Сергии Булгакове студенты в лучшем случае знали то, что это был марксист, который стал священником. Никакого представления о его работах они не имели. Поэтому можно сказать, что софиологическая доктрина о. Сергия Булгакова не получила значимого богословского развития, оставшись одним из ярких эпизодов вольной богословской мысли первой половины XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бердяев Н. А. Дух Великого Инквизитора: по поводу указа митрополита Сергия, осуждающего богословские взгляды о. С. Булгакова // Путь. — 1935. — № 49. — С. 72–81.

Булгаков С. Н. Главы о Троичности. — М. : О.Г.И., 2001.

Ведерников А. В. Владимир Лосский и его богословие // Богословские труды. — М., 1972. — Сб. 8. — С. 215–230.

Записки Петербургских Религиозно-философских собраний (1902–1903). — СПб., 1906. — 531 с.

Зёрновы Н. М. и М. В. (ред.) За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд (Хроника семьи Зёрновых: 1921–1972). — Париж : YMCA-Press, 1973. — 561 с.

Иоанн Кронштадтский, отец. Отзыв о «Новом пути» // Новый путь. — 1903. — Март.

Клементьев А. К. Материалы к истории полемики о творчестве профессора протоиерея Сергея Николаевича Булгакова (1924–1937 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. — 2019. — № 2 (26). — С. 275–370.

Козырев А. П., Климов А. Е. Материалы к «спору о Софии» // Записки русской академической группы в США. — 2016. — Т. 39.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви; Догматическое богословие. — М., 1991. — 287 с.

Лосский Н. О. Воспоминания. Жизнь и философский путь. — М. : Викмо-М-Русский путь, 2008. — 398 с.

М. П. К вопросу о так называемом «единоличном мнении» митрополита Сергия // Символ. — 1998. — № 39.

Одинцов М. И. Патриарх Сергей (Серия «Жизнь замечательных людей»). — М. : Молодая гвардия, 2013. — 395 с.

Патриарх Сергей и его духовное наследство. — М. : Изд-во Московской Патриархии, [1947]. — 415 с.

Послание Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Блаженнейшему Патриарху Сербскому от 23 марта 1933 года, № 311 // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. — М. : Издательский Совет РПЦ, 2011. — С. 157–164.

Ставровский А. О безусловности вероучительных суждений Папы // Символ. — 1985. — № 14. — С. 84–103.

Флоровский Г., прот. Письма к брату Антонию. — М. : ПСТГУ, 2021. — 216 с.

Энеева Н. Т. Спор о софиологии в русском зарубежье. — М., 2001. — 125 с.

Сведения об авторе:

Алексей Павлович Козырев — кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии, и. о. декана философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 119991, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: a.kozyrev@bk.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 11.02.2024; принята к публикации 21.02.2024.

A. P. Kozyrev

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as a Critic of Sophiology of Archpriest Sergius Bulgakov. On the History of the “Sophia Dispute”

Abstract. The article discusses some circumstances related to the church polemics surrounding the book of Archpriest Sergius Bulgakov “The Lamb of God”, published in Paris in 1933, and the participation of the deputy locum tenens of the Patriarchal throne, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), who issued two decrees in Moscow in 1935, exposing the theological errors of the professor of dogmatic theology at the Holy Trinity Orthodox Theological Institute. In the conditions when the Synod was forcibly disbanded, the decrees were not a unilateral opinion of Metropolitan Sergius, but were signed by “joining” hierarchs, giving them the character of conciliar acts. The role of the Photian Brotherhood in preparing these decrees is noted, in particular, its leader A. V. Stavrovsky, who prepared and sent to Metropolitan Eleftherius of Vilnius and Lithuania, who took care of the foreign parishes of the Moscow Patriarchate, a “report” outlining the views of Fr. S. Bulgakov. The article explores the inconsistent reaction to the condemnation of Bulgakov by representatives of the Russian emigration, revealing the reasons why Metropolitan Sergius issued the decrees, among which is his trust in the young members of the Photian Brotherhood who remained faithful to the Moscow Patriarchate in emigration and proposed a significant program of Orthodox mission in Western Europe using the French language and Western rites, up to the establishment of the French diocesan Orthodox Church. The article uses materials from the memorial edition issued by the Moscow Patriarchate in 1947 in

memory of Patriarch Sergius, as well as new sources recently introduced into circulation — letters and documents that reveal new aspects of the history of the “Sophia dispute”. Certain aspects of the criticism of the teaching of Sophia by V. N. Lossky are also considered, which are related to the decrees of Metropolitan Sergius.

Keywords: Archpriest Sergius Bulgakov, “Sophia dispute”, Moscow Patriarchate, Metropolitan Sergius (Stragorodsky), Photian Brotherhood, A. V. Stavrovsky, V. N. Lossky, N. A. Berdiaev, nature, hypostasis

For citation: Kozyrev, A. P. (2024). Metropolitan Sergius (Stragorodsky) as a Critic of Sophiology of Archpriest Sergius Bulgakov. On the History of the “Sophia Dispute”. *Orthodoxia*, (1), 50–79. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2024-1-50-79

REFERENCES:

Berdiaev, N. A. (1935). *Dukh Velikogo Inkvizitora: po povodu ukaza mitropolita Sergiia, osuzhdaiushchego bogoslovskie vzgliady o. S. Bulgakova* [The Spirit of the Grand Inquisitor: Concerning the Decree of Metropolitan Sergius Condemning the Theological Views of O. S. Bulgakov]. *Put'*, (49), 72–81. [In Russian].

Bulgakov, S. N. (2001). *Glavy o Troichnosti* [Chapters on the Trinity]. Moscow : O.G.I. [In Russian].

Vedernikov, A. V. (1972). Vladimir Lossky i ego bogoslovie [Vladimir Lossky and His Theology]. In *Bogoslovskie Trudy* (book 8, pp. 215–230). Moscow. [In Russian].

Zapiski Peterburgskikh Religiozno-filosofskikh sobraniy (1902–1903) [Notes of the St. Petersburg Religious and Philosophical Meetings (1902–1903)]. (1906). Saint Petersburg. [In Russian].

Zernovy, N. M. i M. V. (1973). *Za rubezhom: Belgrad-Parizh-Oksford (Khronika sem'i Zernovykh: 1921–1972)* [Abroad: Belgrade-Paris-Oxford (Chronicle of the Grain Family: 1921–1972)]. Paris : YMCA-Press. [In Russian].

John of Kronstadt, priest. Otzyv o “Novom puti” [Review of the “New Path”]. *Novyi put'*, (March 1903). [In Russian].

Klementev, A. K. (2019). *Materialy k istorii polemiki o tvorchestve professora protoiereia professora Sergeia Nikolaevicha Bulgakova (1924–1937 gg.)* [Materials for the History of Polemics about the Work of Professor Archpriest Sergei Nikolaevich Bulgakov (1924–1937)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, (2), 275–370. [In Russian].

Kozyrev, A. P., Klimov, A. E. (2016). Materialy k “sporu o Sofii” [Materials for the “Dispute about Sofia”]. In *Zapiski russkoi akademicheskoi gruppy v SShA* (Vol. 39). [In Russian].

Lossky, V. N. (1991). *Ocherk misticheskogo bogosloviia Vostochnoi Tserkvi; Dogmaticheskoe bogoslovie* [An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church; Dogmatic Theology]. Moscow. [In Russian].

Lossky, N. O. (2008). *Vospominaniia. Zhizn' i filosofskii put'* [Memories. Life and the Philosophical Path]. Moscow : Vikmo-M-Russky put'. [In Russian].

M. P. (1998). K voprosu o tak nazyvaemom “edinolichnom mnenii” mitropolita Sergiia [On the Question of the So-Called “Sole Opinion” of Metropolitan Sergius]. *Simvol*, (39). [In Russian].

Odintsov, M. I. (2013). *Patriarkh Sergy* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia. [In Russian].

Patriarkh Sergy i ego dukhovnoe nasledstvo [Patriarch Sergius and His Spiritual Inheritance]. (1947). Moscow : Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii. [In Russian].

Poslanie Zamestitelia Patriarshego Mestobliustitelia Blazhenneishemu Patriarkhu Serbskomu ot 23 marta 1933 goda, № 311 [The Message of the Deputy Patriarchal Locum Tenens to His Beatitude Patriarch of Serbia Dated March 23, 1933, No. 311]. (2011). In *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii v 1931–1935 gody* (pp. 157–164). Moscow : Izdatel'sky Sovet RPTs. [In Russian].

Stavrovsky, A. (1985). O bezuslovnosti verouchitel'nykh suzhdeny Papy [On the Unconditionality of the Doctrinal Judgments of the Pope]. *Simvol*, (14), 84–103. [In Russian].

Florovsky, G., Archpriest. (2021). *Pis'ma k bratu Antoniiu* [Letters to Brother Anthony]. Moscow : PSTGU. [In Russian].

Eneeva, N. T. (2001). *Spor o sofologii v russkom zarubezh'e* [The Dispute about Sophiology in the Russian Abroad]. Moscow. [In Russian].

About the author:

Alexey Pavlovich Kozyrev — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of the History of Russian Philosophy, Acting Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, Russia, 119991, e-mail: a.kozyrev@bk.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 11.02.2024; accepted for publication 21.02.2024.